

М.Н. Желтова

КОСТЕНКОВСКИЕ СТОЯНКИ ПЕРВОЙ НАДПОЙМЕННОЙ ТЕРРАСЫ: ВАРИАНТЫ АДАПТАЦИИ К ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ ВЕРХНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА¹

Костенки 4 (Александровская стоянка) относятся к группе стоянок первой надпойменной террасы Костенковско-Борщевского района на Дону. В отложениях этой террасы залегают также культурные слои стоянок Костенки 3 (Глинище), 21 (Гмелинская) и Борщево 2. Стоянка Борщево 2 значительно моложе, в то время как Костенки 3, 4 и 21 относятся к одной хронологической группе, датируемой 21–23 тыс. лет назад, к которой относится и верхний слой Костенок 1.

В Гронингенской лаборатории была получена серия дат для нижнего слоя Гмелинской стоянки: 22270 ± 150 (GrN-7363) и 21260 ± 340 (GrN-10513) (Праслов 1982: 209); 22860 ± 320 (GrN-24968) и 22230 ± 100 (GrN-14669)².

Для Александровской стоянки имеются всего три даты: 23000 ± 300 (ГИН-7994), 22800 ± 120

(ГИН-7995) (Синицын, Праслов 1997: 48) и одна новая — 20290 ± 150 (ОхА-8310).

Для Глинища имеется одна радиоуглеродная дата: 19800 ± 210 (ГИН-8022) (Синицын, Праслов 1997: 48). О структуре этой стоянки можно составить лишь весьма слабое представление. В раскопе П.П. Ефименко 1923 г. было обнаружено резко очерченное скопление культурных остатков с утолщением на месте предполагаемого жилища шириной 5,5 м (Ефименко 1953: 534). Однако исследовать его удалось только на площади 10 кв. м, так как остальная часть была уничтожена обрывом Дона. Аналогичное скопление было вскрыто в 1927 г. раскопом С.Н. Замятина, примыкавшим к раскопу П.П. Ефименко. К сожалению, документация не сохранилась, поэтому единственное, чем мы располагаем, это свидетельства П.П. Ефименко и С.Н. Замятина, что культурный слой стоянки по своему характеру и условиям залегания аналогичен культурному слою Александровской стоянки (Праслов 1982: 74). Исходя из этого мы не можем рассматривать Костенки 3 в контексте структуры поселения.

¹ Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Две последние даты публикуются впервые с любезного разрешения Н.Д. Праслова.

Таким образом, имеются две хорошо изученные стоянки приблизительно одного возраста и с одинаковым геоморфологическим положением — Костенки 4 и 21.

Описывать в этой статье природные условия верхнего плейстоцена на данной территории в целом не имеет смысла, так как они хорошо известны, отметим только некоторые частности, касающиеся рассматриваемых стоянок.

Природная среда времени нижнего слоя Гмелинской стоянки достаточно хорошо реконструирована на основании данных палеонтологии, малакологии, палинологии, минералогии, геохимии и палеопедологии. Это было время короткого относительного потепления внутри максимального ошашковского оледенения (Праслов 1982: 209).

Костенки 21 расположены на участке первой надпойменной террасы в 200 м ниже впадающего в Дон ручья. Во время обитания стоянки уровень Дона был значительно ниже современного, однако участок, на котором располагается один из жилых комплексов стоянки, был достаточно сырым. Первый и второй культурные слои стоянки бедны инвентарем и не имеют никаких объектов и структур культурного слоя, поэтому в данном случае речь идет только о нижнем (третьем) слое стоянки. Этот слой приурочен к ископаемой Гмелинской почве, залегает *in situ*, но деформирован мерзлотными и физико-химическими процессами, происходившими во время отложения второго слоя (Праслов 1982: 201). Протяженность стоянки вдоль Дона около 160 м, общая вскрытая площадь более 510 кв. м. Шесть скоплений, нахо-

дящихся на разном расстоянии друг от друга, разделяются участками с низкой концентрацией находок (рис. 1). Скопления представляют собой локализованные пятна золистой массы, насыщенные находками кремневого и костяного инвентаря, угольками, охрой. Мощность культурного слоя не превышала 0,1 м. В трех из них были обнаружены углубленные на 0,2 м очажные ямки диаметром 0,7–1 м, несколько смещенные относительно центров скоплений. Конструктивные элементы в виде крупных костей здесь отсутствовали, поэтому, принимая во внимание локализацию находок, было высказано предположение о существовании легких наземных жилищ. Одно из трех скоплений располагалось на переувлажненном в древности участке, на что указывает оглиение суглинка. На этом участке была обнаружена выкладка из плиток девонского известняка, с южной и восточной сторон окаймляющая контур жилища. Очаг был практически прижат к задней стенке жилища. Две ямки, забутованные камнями, очевидно, служили для крепления опор.

Кроме трех скоплений, представляющих собой остатки жилищ, не заглубленных в землю и не имеющих фиксируемых нами конструктивных элементов, имеются два внешних объекта значительной площади — 40 кв. м и 70 кв. м. В первом случае это локализованное мощное зольное пятно без выраженной очажной ямки, во втором — несколько пятен зольности. Количественный и типологический состав кремневого инвентаря из этих скоплений существенно отличается от состава кремневого инвентаря из жилищ. Этот факт, с точки зрения исследователей, находит

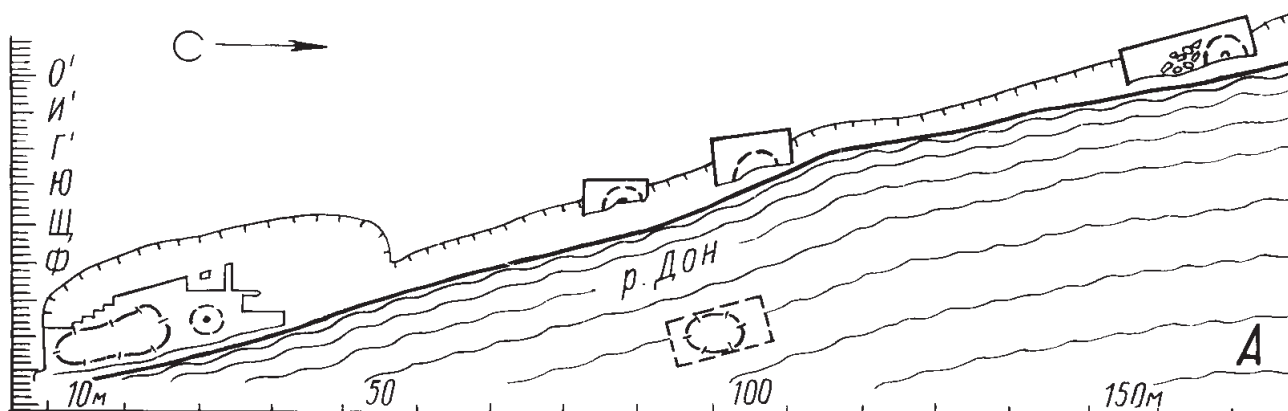

Рис. 1. План расположения объектов Гмелинской стоянки (по Н.Д. Праслову)

свое объяснение в разном хозяйственном назначении участков поселения (Праслов 1982: 209).

Александровская стоянка расположена примерно в пяти километрах ниже по течению Дона от Гмелинской, на первой надпойменной террасе у тылового шва поймы на левом борту оврага, образованного слившимися при впадении в долину Дона Александровским и Бирючьим логами. Об-

щая вскрытая площадь памятника составляет более 920 кв. м. Здесь были обнаружены два длинных жилища, расположенные вдоль склона почти параллельно друг другу, их восточные (нижние) концы немного сближены. Размеры и строение жилищ несколько отличаются друг от друга, тем не менее не подлежит сомнению, что они были построены одной и той же группой людей (рис. 2).

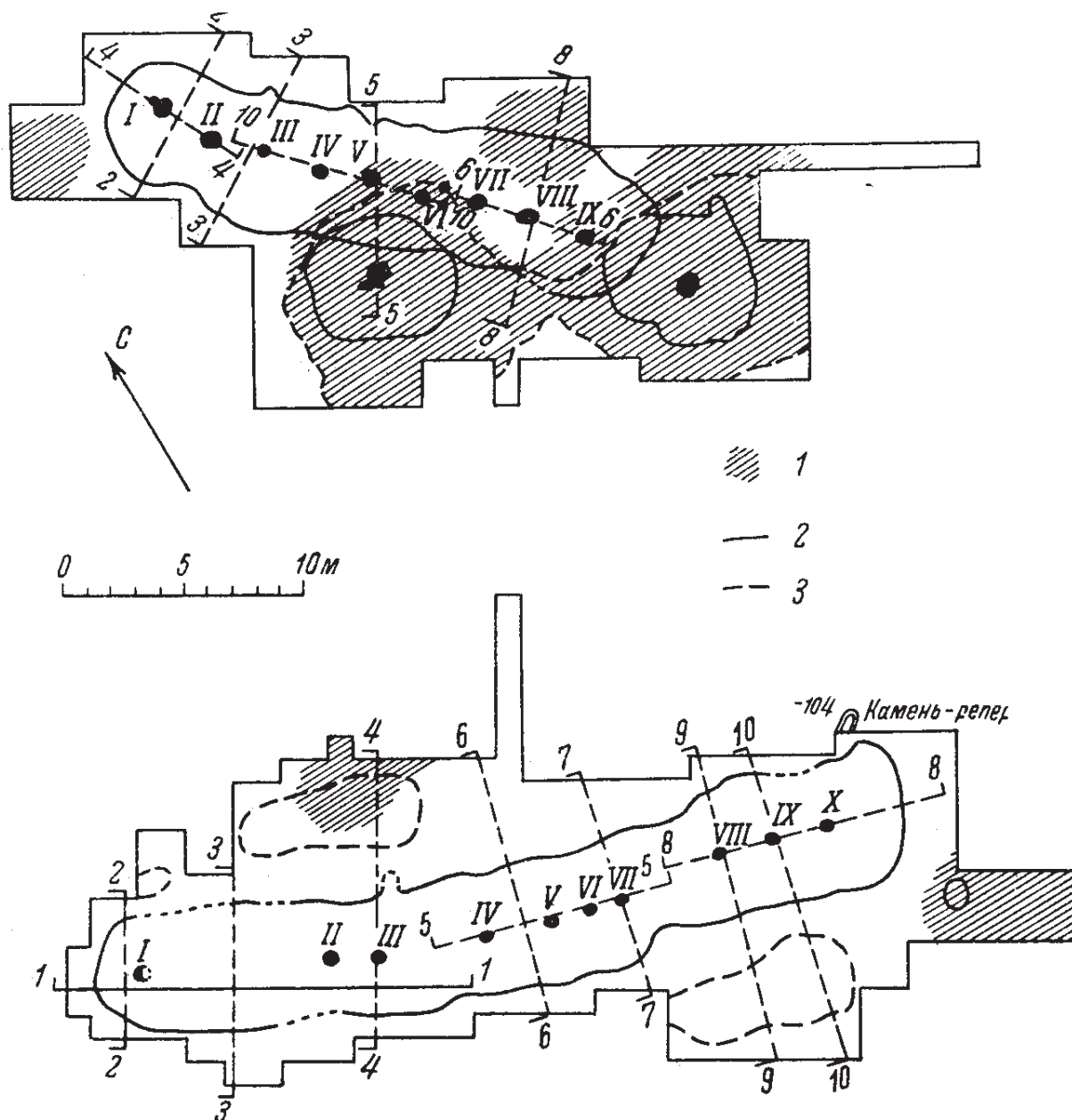

Рис. 2. План расположения объектов Александровской стоянки (по А.Н. Рогачеву).
1 — распространение верхнего культурного горизонта; 2 — границы жилищ; 3 — границы скопления

Установить или опровергнуть их полную синхронность не представляется возможным, однако если между ними и есть хронологический разрыв, то он минимален. Поселение построено по единому плану, и скорее всего оба длинных жилища функционировали одновременно. Северное жилище представляет собой углубленную в землю до 30 см западину длиной 23,5 м, шириной 5,5 м, заполненную ярко-красным слоем. По длинной оси жилища примерно на равных расстояниях располагались девять очагов в чашеобразных углублениях диаметром от 0,55 м до 1 м.

С юго-запада и востока к длинному углублению примыкали два округлых жилища, частично углубленных в землю, диаметром 6–6,5 м, каждое с одним очагом в центре (см. рис. 2). Культурный слой, заполнявший эти жилища и выходящий за их пределы, был окрашен темно-вишневой охрой с коричневатым оттенком.

Строение этих жилищ, отличное от длинных жилых западин, иная окраска слоя и совершенно другой характер инвентаря поставили перед А.Н. Рогачевым вопрос о двуслойности поселения (Рогачев 1940: 40). Этот вопрос был решен положительно после долгих мучительных колебаний, основанных не в последнюю очередь на том, что собственно стратиграфия не играла в решении этой проблемы значительной роли (Рогачев 1955: 19). Думается, что поэтому А.Н. Рогачев в данном контексте не употреблял названия «культурный слой», а говорил о «горизонтах», что гораздо более точно отражает ситуацию, так как слой, в сущности, один.

Южное жилище длиннее северного, 34 м в длину при той же ширине и глубине до 40 см, заполняющий его культурный слой такого же ярко-красного цвета. Кроме того, оно, несомненно, разделяется на три секции, ограниченные уступами и полосами слабо окрашенного культурного слоя (Рогачев 1955: 89), в то время как северное жилище не имеет признаков такого подразделения. Десять расчищенных в полу жилища очагов находились в таких же чашеобразных углублениях, как и в северном жилище. К первой, западной, секции относятся три очага, но есть основания думать, что раскопом Замятнина было разрушено еще как минимум два. В средней секции обнаружено четыре очага и в восточной — три.

При описании объектов мы вслед за А.Н. Рогачевым до сих пор использовали термин «жили-

ще», но из-за сложности композиции более уместным кажется термин «жилой комплекс». Это тем более оправдано, что каждый комплекс состоит из нескольких объектов и имеет зоны внешней активности — в двух метрах к югу и к северу параллельно краям южной длинной жилой западины располагаются скопления находок около 3 м шириной и 8 м длиной. Границы скоплений нечеткие, находки залегают в слабо окрашенном слое. Третье скопление южного комплекса, расположенное в восточной части раскопа у самого конца длинной жилой западины, было исследовано только на площади 12 кв. м. Оно продолжалось под стенку раскопа, культурный слой был окрашен темной охрой. В этом скоплении были обнаружены небольшая ямка с зольным заполнением и яма, заполненная культурным слоем, рядом с которой лежали два крупных валуна. На основании темной окраски слоя и по составу находок это скопление было отнесено А.Н. Рогачевым к верхнему горизонту.

Единственное внешнее скопление северного жилого комплекса невелико по площади и небогато находками. Оно находится близ северо-западного конца жилища. Найдены — кости, главным образом лошади, около 100 кремней и около 50 кварцитовых артефактов — залегают в неокрашенном суглинке. Основанием для отнесения его к верхнему горизонту послужило исключительно наличие кварцита и светлого кремня. Оставим сейчас в стороне сложную проблему разделения инвентаря стоянки по горизонтам — это требует специального анализа. Отметим только, что столь гармоничное взаиморасположение объектов поселения, при котором структуры нижнего горизонта практически не перекрываются структурами верхнего, и служило в большой степени питательной средой для сомнений в существовании разновременных горизонтов как самого А.Н. Рогачева, так и других исследователей.

В 70 м к северу от северного жилого комплекса при расчистке глинокопной ямы было обнаружено еще одно крупное скопление находок, получившее название «Северный пункт». Раскоп площадью 48 кв. м вскрыл участок почти неокрашенного культурного слоя, насыщенного находками. В центре скопления концентрация находок достигала 2000 кремней на 1 кв. м, к периферии существенно понижалась. На этом центральном

участке была отмечена легкая гумусированность слоя. Здесь было найдено много мелких угольков и обожженного кремня (Анисюткин 2005: 22). Кремневый инвентарь по своему характеру не отличается от инвентаря длинных жилищ нижнего горизонта. Трудно сказать, была ли это зона внешней активности обитателей длинных жилищ. С той же долей вероятности можно предположить, что этот объект представляет собой след кратковременного посещения этого места в другое время.

Что касается Александровской стоянки, то здесь мы не располагаем данными естественнонаучных методов. Как уже говорилось, в одну группу с Гмелинской стоянкой она объединена на основании данных геоморфологии и хронологии. Однако в этом случае мы имеем еще некоторые косвенные свидетельства того, что время ее существования также приходится на короткий период потепления внутри осташковского оледенения. У обоих типов жилищ Александровской стоянки конструктивные элементы из крупных костей использовались в незначительной мере и играли явно вспомогательную роль. Вбитые в землю осколки крупных трубчатых костей к северо-западу от длинного северного жилища и столбовая ямка № 9 (Рогачев 1955: 97) южного длинного жилища с фрагментом трубчатой кости лошади и ребром мамонта служили, по всей видимости, для упора деревянных жердей, поддерживавших кровлю. Несохранившиеся деревянные опоры являются необходимым элементом конструкции жилищ. О широком употреблении дерева в быту древнего населения стоянки свидетельствует и большое количество орудий для обработки дерева (Желтова 1997: 72). При этом надо отметить, что характер распространения заполировки на некоторых орудиях таков,

что речь идет о глубоком погружении инструмента в материал, что возможно при вырезании посуды, скульптуры и т.д., а не при поверхностном обстругивании предметов.

Итак, перед нами три совершенно разных по своей структуре поселения, расположенных в одних и тех же геоморфологических условиях и приблизительно одновременных. Я говорю о трех почти одновременных поселениях потому, что поселения верхнего и нижнего горизонтов Александровской стоянки относятся к одной хронологической группе и имеют минимальную с археологической точки зрения разницу в возрасте. При этом надо учитывать разницу в длительности обитания на этих памятниках. Жилища Гмелинской стоянки, по всей видимости, были обитаемы в теплое время года. Длинные жилые комплексы Александровской стоянки, с той же степенью очевидности, были долговременными. На их устройство было потрачено немало усилий, копать такой котлован было довольно трудно. Кроме того, сама конструкция свидетельствует о желании его обитателей сохранить максимум тепла — линия очагов в центре, причем на небольшом расстоянии друг от друга, отапливала единое помещение. В теплое время года в этом нет необходимости. Вопрос о длительности обитания круглых жилищ верхнего горизонта остается пока открытым, хотя они также врыты в землю и стенки их изнутри были «облицованы» камнями.

Несмотря на это, перед нами три принципиально разных варианта адаптации к одним и тем же природным условиям верхнего плейстоцена. Следовательно, можно заключить, что структура жилищ и поселений является в большей степени элементом культуры, нежели приспособляемости к внешним условиям.

ЛИТЕРАТУРА

Анисюткин Н.К. Северный пункт стоянки Костенки 4 // Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005. С. 21–29.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953.

Желтова М.Н. Морфологический и трасологический анализ листовидных острий из коллекции Костенок 4 // Развитие культуры в каменном веке. СПб., 1997. С. 70–73.

Праслов Н.Д., Иванова М.А. Костенки 21 (Гмелинская стоянка). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982. С. 198–210.

Рогачев А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону // МИА. 1955. № 45.

Рогачев А.Н. Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. IV. С. 36–41.

Синицын А.А., Праслов Н.Д. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.